

АУН САН СУ ЧЖИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В общественном сознании любая страна мира ассоциируется, прежде всего, с представляющими ее в истории известными людьми. Создание независимой Бирмы / Мьянмы в середине XX столетия, как известно, было связано с именем ее национального героя, генерала Аун Сана. На современном этапе Мьянма – одна из крупнейших стран Юго-Восточной Азии – чаще всего ассоциируется с именем его дочери. Поэтому неудивительно, что фигура Аун Сан Су Чжи – одной из виднейших женщин-политиков развивающихся стран и лауреата Нобелевской премии мира за 1991 г. – заслуженно привлекала и привлекает внимание исследователей-бирманистов из разных стран [Aung Zaw 2013; Houtman 1999; Lintner 1990; Stewart 1996; Барышников 2012; Листопадов 1998]. В то же время стоит отметить, что Аун Сан Су Чжи, без преувеличения, является наиболее трудным для исторического исследования бирманским политиком. Политико-идеологический статус “матери нации” и “иконы демократии”, достигнутый ею в Мьянме и на Западе, способствует тому, что исследователю, как правило, сложно оставаться беспристрастным и объективным в оценке ее действий. Открыто апологетические оценки деятельности Аун Сан Су Чжи [Ang Chin Geok 1998; Clements 1992; Popham 2011; Victor 1999] соседствуют в историографии с негативными отзывами о ее персоне [Ивашенцов 2016; Кирьянов 2015; Козьма 2015] и даже с неприкрытой ненавистью со стороны бывших соратников лидера демократической оппозиции Мьянмы [Interview with Burma’s Ma Thanegi 2008].

Примечательно также, что изучение биографии и политической карьеры дочери генерала Аун Сана до сих пор носило преимущественно персоналистский характер, было вырвано из контекста исследования ее взаимоотношений с представителями бирманской постколониальной элиты, имеющего большое значение для установления механизмов эволюции местных элитных группировок. Равным образом до сих пор находились вне поля внимания исследователей вопросы функционирования модернистского

крыла верхушки независимой Бирмы как элемента структуры мировых, в том числе западных, элит.

Между тем все многообразные сложности и противоречия колониального и постколониального этапа истории развивающихся стран как в зеркале отразились в конкретном политическом феномене Аун Сан Су Чжи и в общей нелегкой судьбе ее родины. До того, как в 1885 г. после трех войн Бирма / Мьянма была окончательно подчинена англичанами, на мьянманской земле в течение второго тысячелетия н. э. последовательно сменили друг друга три традиционных восточных структуры имперского типа [Ивашенцов 2014, 75]. Как и в ряде других стран Дальнего Востока, власть в традиционном мьянманском обществе представляла, прежде всего, как способность к покровительству. На вершине патерналистских социальных ролей традиционно находился монарх – высший тип опекуна, само воплощение идеи покровительства, оказываемого сангхе, чиновникам, народу. В целом поиск лидера постепенно стал основой местной политической культуры на всех уровнях общественной иерархии [Агаджанян 1987, 322–323; Nash 1965, 275]. Немалую роль в ней традиционно играли женщины. Последние в доколониальной Бирме обладали весьма высоким социальным статусом – таким, которому, по словам Аун Сан Су Чжи, могла бы позавидовать любая женщина в викторианской Англии [Aung San Suu Kyi 1990, 91; Lubina 2015, 21].

Со старобирманскими политическими представлениями впоследствии вынуждена была считаться формировавшаяся постколониальная элита Бирмы. Составившие ее ядро модернисты такины (“господа”, “хозяйева”) из довоенной патриотической ассоциации “Добама” (“Наша Мьянма”) во время господства Японии входили в состав правительства адипади (“верховного правителя”) Ба Мо, а 27 марта 1945 г. подняли восстание против японской оккупации страны [Можейко, Узянов 1973, 244]. Стоит отметить, что после победы над японцами отношения между бирманскими модернистами и британскими военными отличало тесное и разностороннее сотрудничество. Особую роль в укреплении контактов с бирманскими патриотическими силами и в целом в формировании бирманской национальной элиты сыграл лорд Луис Маунтбеттен – выдающийся английский военный и

государственный деятель, верховный главнокомандующий силами союзников в Юго-Восточной Азии в 1943–1946 гг. и последний вице-король Британской Индии [Mauntbetten of Burma 1951, 145–202]. Представляя близкую к Виндзорской династии часть британской правящей верхушки, лорд Маунтбеттен выступал против негибкого, негативного официального английского курса в отношении формирующихся национальных элит Индии, Цейлона, Бирмы.

Он всячески способствовал утверждению линии на сотрудничество и компромисс с патриотическими модернистскими силами в британских колониях на юге Азиатского континента [Заболотный 2010, 33–34, 38–39; Неру 1965, 116, 119]. Так, уже весной 1945 г. Л. Маунтбеттен и его окружение наладили тесные деловые контакты с руководителем Национальной армии Бирмы генералом Аун Саном и его соратниками. На состоявшейся 16 мая 1945 г. встрече Аун Сана с фельдмаршалом У. Слимом стороны выразили свое взаимное уважение и стремление сотрудничать в освобождении и восстановлении Бирмы [Васильев 2010, 142]. При этом Аун Сан произвел на У. Слима впечатление “подлинного патриота и уравновешенного реалиста”, с которым “можно вести дела” [I could do business with Aung San by Fild 1962, 83–85]. Теплые отношения сложились у английского фельдмаршала и у его шефа лорда Маунтбеттена также с ближайшим соратником Аун Сана полковником Не Вином – будущим главнокомандующим вооруженными силами независимой Бирмы. Последний неоднократно отмечал впоследствии, что Л. Маунтбеттен благодаря выдающемуся дипломатическому такту “завоевал сердца жителей Бирмы” [Заболотный 2010, 33]. Уже находясь во главе бирманской армии и государства, генерал Не Вин поддерживал тесные неформальные контакты с Л. Маунтбеттеном вплоть до смерти последнего от руки ирландского террориста в 1979 г. [Листопадов 1998, 60].

В целом самые патриотически настроенные представители бирманской постколониальной элиты на протяжении всего послевоенного периода не скрывали своей принадлежности к *Rex Britannica*: они широко использовали английский язык в личной и деловой переписке, читали британскую классику, посылали детей получать образование как в местные миссионерские школы,

так и за границу [Lubina 2015, 102]. Не была чужда нарождающаяся бирманская элита также и англо-американской политической мысли, в частности популярной в 1940-е – 1980-е гг. теории конвергенции (“сближения”, “слияния”) различных социальных систем и элитных групп. Так, Аун Сан еще в 1947 г., излагая программу социально-экономических мероприятий после завоевания независимости, рассматривал проектируемое им общественное устройство как “что-то среднее между капитализмом и социализмом”, определял его как внутренне подвижное и доступное влияниям извне [Кауфман 1973а, 119; 1973б, 75; Sorokin 1944, 157–159]. В своих послевоенных статьях и выступлениях бирманский лидер также много говорил о “новой демократии”, отделяя “вымышленную”, капиталистическую демократию от “истинной” демократии, предлагаемой им для Бирмы.

Примечательно, что господство традиционных идеологических представлений обусловило восприятие в народе пропагандируемой Аун Саном демократии как строя всеобщего счастья и изобилия, плода мифологического дерева благополучия – *padesa* (“дерево счастья”), которое обеспечивает людям удовлетворение всех потребностей. В самом основателе современного бирманского государства патриархально настроенное население страны видело не только лидера, избранного демократическим путем, но и реинкарнацию Ауна, таинственного отшельника из бирманских легенд, который, достигнув с помощью магии полноты власти, не использовал ее в своих корыстных интересах, чтобы в итоге добиться свержения злого царя [Lubina 2015, 48]. Такого рода мифы, подобная сакрализация лидера укрепляли положение Аун Сана и образовывали своеобразный народный культ, который продолжал существовать и после трагической гибели основателя независимой Бирмы в июле 1947 г.

Оставшись без признанного лидера, бирманские модернисты хорошо отдавали себе отчет, что при построении современного государства невозможно игнорировать подобные традиционные представления бирманской деревни. По нашему предположению, в рамках данного дискурса и в условиях кровопролитной гражданской войны между правящими модернистами и радикальной левой контрэлитой, в окружении генерала Не Вина появился замысел стабилизировать не вполне легитимные в глазах

традиционалистски настроенного населения государственные институты независимой Бирмы за счет формирования в стране новой партийно-политической структуры, способной приобрести авторитет у народа. Подобная дополнительная властная вертикаль, по условиям традиционалистского политического дискурса, в перспективе должна была создаваться при участии “законного” наследника генерала Аун Сана. В соответствии с традиционными старобирманскими представлениями, такой политический преемник национального героя Бирмы мог происходить только из круга его кровных родственников. Погибший Аун Сан оставил после себя вдову До Кхин Чжи с двумя сыновьями и дочерью Аун Сан Су Чжи (род. 19 июня 1945 г.). После смерти отца они проживали в Рангуне под патронатом руководства правящей Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), прежде всего – главнокомандующего вооруженных сил Бирмы Не Вина, наиболее влиятельного человека в национальной элите.

Следует отметить, что будущий лидер бирманской демократической оппозиции была первой дочерью Аун Сана и его супруги До Кхин Чжи, которые познакомились и поженились еще в 1942 г., когда глава бирманских модернистов лечился в Рангунском генеральном госпитале. Родители назвали девочку Аун Сан Су Чжи, что в буквальном переводе означает “удивительное собрание замечательных побед”. Примечателен был и выбор элементов имени: “Чжи” в честь матери, основное имя “Су” в честь бабушки и “Аун Сан” в честь отца. Стоит заметить, что в Бирме дочери не часто получают имена отцов, но в данном случае, учитывая общественное положение Аун Сана, этот шаг можно считать полностью оправданным. В семье бирманского лидера все дети получали в имена элемент “Аун Сан”, в том числе и младшая сестра Су Чжи, Чит, которая умерла через несколько дней после рождения в сентябре 1946 г. Сама маленькая Су охотнее всего проводила время с младшим из братьев, Аун Сан Лином, который в январе 1953 г. трагически погиб, утонув в бассейне. Самый старший ребенок в семье, Аун Сан О, с ранних лет держался особняком ото всех. Замкнутый и неуверенный в себе, он был полной противоположностью своей живой и общительной младшей сестре. По мнению биографа, именно этот период предопределил отсутствие теплых чувств между Су Чжи и ее

старшим братом, который впоследствии стал инженером-архитектором, уехал в США и поддерживал политических противников своей сестры [Lubina 2015, 53, 63].

Все дети покойного бирманского лидера росли в атмосфере, насыщенной политикой. Семья, и прежде всего мать, постоянно напоминали Су Чжи, чья она дочь (“она хотела, чтобы я была достойна его”), ее воспитывали в духе преклонения и восхищения перед покойным отцом, а в каждую годовщину его смерти приглашали домой буддийских монахов, которые отправляли ритуалы в память основателя независимой Бирмы. На стенах дома висели портреты Аун Сана, а его бывшие товарищи по оружию, в том числе генерал Не Вин, который с января 1949 г. на долгие четыре десятилетия возглавил бирманскую армию, приходили выразить свое почтение вдове национального героя. Сидя в гостиной за превосходным бирманским чаем, они, часто в присутствии детей, вели неторопливые беседы о прошлом и настоящем. “Су может совершенно оправданно сказать, что была воспитана на руках солдат своего отца”, – вспоминал один из современников. Неудивительно, что окружавшая ее с детства “аура уважения, восхищения и любви” к отцу привела к тому, что маленькая Су Чжи однажды захотела стать военным. “Все обращались к моему отцу «боджок», то есть «генерал», и я, под влиянием этого, хотела стать генералом. Я думала, что это лучший способ служения родине”, – говорила она впоследствии [Lubina 2015, 52]. Одновременно Аун Сан Су Чжи признавала, что с раннего детства впитывала политическую амбициозность: “Конечно я политик! Я всегда была им. Была рождена, чтобы быть политиком” [Lubina 2015, 8–9].

Особое влияние на ее формирование с детства оказывала мать – бывшая главная медсестра Рангунского генерального госпиталя. “Хотя я всегда знала об отце и гордилась им, – говорила Су Чжи в документальном фильме BBC “The Lady of No Fear”, снятом в 2012 г., – безусловно, именно моя мама была главой семьи” [Lubina 2015, 55]. Так же, как и ее покойный муж, До Кхин Чжи была индивидуалисткой с сильным характером, всегда умеющей добиваться своего, хотя и, как правило, обходными методами. Один из друзей семьи, барон Гор-Бут, спустя годы называл ее “тихой леди немногих слов, но большой глубины и силы

характера” [Lubina 2015, 87]. Кхин Чжи всегда находила время для общения со своей непоседливой дочерью и отвечала на все ее вопросы. В то же время она стремилась дать детям самое жесткое аристократическое воспитание в британском стиле. Мать прилагала все возможные усилия, чтобы сделать из дочери “изысканную молодую даму”. В частности, ей нельзя было сутулиться, и чтобы обучить этому маленькую Су, мать приказывала девочке ежедневно ходить вокруг сада с выпрямленной спиной. Муштра матери сделала свое дело – даже в преклонном возрасте Су Чжи выделяется среди политиков своей осанкой. Другим примером строгого домашнего воспитания была забота о платье. Кхин Чжи никогда не позволяла дочке спуститься вниз и поздороваться с гостями, если та не выглядела идеально аккуратно. Впоследствии Аун Сан Су Чжи не только заимствует у матери привычку вплетать в волосы цветы – сегодня последние являются ее визитной карточкой, – но и сама станет символом идеального вкуса, настоящей “иконой моды” в политике [Lubina 2015, 61]. В целом, как вспоминала Су Чжи, в детстве у нее никогда “не было времени бездельничать, все время надо было что-то делать: учиться, готовить, вышивать или заниматься игрой на пианино”. Жесткую дисциплину домашнего воспитания Су Чжи оценила спустя десятилетия. Впоследствии, став лидером бирманской оппозиции, она говорила, что силы для борьбы с военным режимом черпала именно из воспитания матери – сильной женщины и известного бирманского политика [Lubina 2015, 60].

После гибели Аун Сана До Кхин Чжи занимала видные позиции в национальном истеблишменте, в частности, была избрана в состав бирманского парламента, возглавляла ряд социальных служб и работала на посту главы департамента по делам женщин в руководящей структуре АЛНС. Ее дети, в том числе Су Чжи, вначале обучались в католической школе Св. Франциска, а затем – в Методистской английской гимназии Рангуна (Methodist English High School), самом престижном среднем учебном заведении Бирмы [Stewart 1996, 13, 17; Burma and the role of Burmese women 1995]. “Все знали, кто такая Аун Сан Су Чжи, но не выделяли ее при общении”, – вспоминала ее школьная подруга Тун Аун [Lubina 2015, 71]. Она также утверждала, что уже в школе можно было заметить две важные черты характера Аун Сан Су

Чжи: упорство и последовательность. В ходе обучения юной Су особенно хорошо давались гуманитарные дисциплины: ее любимым предметом были уроки бирманской литературы, а чтение с юных лет являлось любимым времяпровождением [Lubina 2015, 70]. Когда девушке исполнилось 14 лет, она, по ее же словам, была “настоящим книжным червем” [Lubina 2015, 72]. Любовь к чтению привела к тому, что в ней родилась другая детская страсть – она захотела стать писателем. В будущем, пребывая под домашним арестом, Аун Сан Су Чжи действительно много писала, хотя ее литературные занятия носили вспомогательную функцию относительно ее задач как политика [Lubina 2015, 73]. Между тем в школьные годы жизнь ее текла спокойно и плавно, как и у многих детей бирманской элиты. При этом опекавшие ее бирманские модернисты отчетливо понимали, что в эпоху становления глобального миропорядка дочь Аун Сана сможет закрепиться в правящей верхушке Бирмы только при условии получения ею самого современного образования и одновременно при ее инкорпорации в ряды мировой, в том числе западной, элиты. Поэтому неудивительно, что главнокомандующий национальной армии генерал Не Вин ответил согласием на предложение нового посла Великобритании в Бирме барона Пола Гор-Буа (главы британской дипломатической миссии с 1953-го по 1956 гг.) предоставить ему возможность курировать образование и воспитание дочери покойного главы бирманских модернистов, с семьей которого британский дипломат завязал тесные неформальные отношения [Gore-Booth 1974, 317; Stewart 1996, 31].

Упомянутое обстоятельство – участие в судьбе Су Чжи видного английского дипломата – обусловило резкий поворот в биографии 15-летней девушки: ей впервые пришлось покинуть бирманскую землю и отправиться жить за границей. Это произошло после того, как новый опекун юной Су в 1960 г. получил назначение в Дели на пост главы британского дипломатического представительства. Практически одновременно с ним До Кхин Чжи также направилась в Индию на должность посла Бирмы в Индии и Непале (первый и единственный в истории случай назначения женщины на пост главы бирманской дипломатической миссии). Су Чжи вместе с матерью переехала в индийскую столицу, где продолжала свое образование в местной частной гимназии

(Convent's of Jesus and Mary School), после чего училась в гуманитарном колледже Леди Шри Рам Делийского университета. Здесь в круг общения дочери Аун Сана, которой по настоянию матери приходилось отслеживать политические изменения на покинутой родине, входили представители элит разных стран Южной Азии, в частности внуки премьер-министра Индии Д. Неру – Санджай и Раджив Ганди [Aung Zaw 2013, 12–13; Stewart 1996, 22, 26].

В 1967 г., в период резкого обострения гражданского противостояния в Бирме, До Кхин Чжи подала в отставку с поста главы бирманского дипломатического представительства в Индии [Burma and the role... 1995]. После возвращения в Рангун вдова Аун Сана вышла на пенсию и больше не занимала никаких государственных должностей. Дистанцируясь от политики генерала Не Вина, она косвенно выражала свое неодобрение новых порядков, вывешивая на доме флаг Бирмы прежнего, “парламентского” периода. В то же время стоит отметить, что, несмотря на некоторые политические разногласия, между военной и гражданской фракциями бирманских модернистов поддерживались вполне деловые, рабочие отношения. В частности, как уже упоминалось, До Кхин Чжи неоднократно встречалась с главкомом бирманской армии, не раз приглашала Не Вина с семьей на обеды (в одном из них участвовала вместе с братом также и Аун Сан Су Чжи). Кроме того, До Кхин регулярно навещали представители интеллигенции, политики, военные и другие представители элиты, желающие получить компетентную информацию о положении в бирманских верхах. “Она была хорошо информирована и знала много о политике, но никогда не бравировала своими знаниями”, – говорил ее друг поэт Тин Мо [Lubina 2015, 110].

К концу 1960-х гг. До Кхин уже только изредка виделась со своей дочерью, чей жизненный путь еще в середине десятилетия совершил новый резкий поворот. Тогда, в начале 1965 г., сэр Гор-Бут получил новое назначение: на протяжении четырех лет он занимал пост заместителя министра иностранных дел Великобритании. Барон и его близкие в это время особенно тесно опекали Аун Сан Су Чжи, переехавшую в Англию для продолжения своего образования. Проживая в лондонском доме четы Гор-Бутов, она с 1964-го по 1967 г. обучалась в женском колледже

Св. Хью университета Оксфорда. Несмотря на свою склонность к литературе, Су Чжи, во многом под давлением окружающих, осваивала курсы политологии, философии и экономики – дисциплин, которые в перспективе могли ей пригодиться в сфере государственного управления [Roger Louis 2006, 712; Stewart 1996, 29–30]. Резиденция Гор-Бутов в это время стала для нее вторым домом, а сами они превратились для девушки в подобие приемной семьи. Юная Су отвечала пожилой чете взаимностью: она была для них “идеальным гостем” и “еще одной дочерью”, как вспоминала Патриция Гор-Бут. Ее муж, дипломатично более сдержанный, в своих мемуарах тепло называл Су Чжи “необычной молодой особой” [Lubina 2015, 105].

Стоит особо подчеркнуть, что, целиком окунувшись в заграничную жизнь, став своей в кругу британской аристократии, дочь Аун Сана, тем не менее, никогда не забывала, кто она родом и откуда. В уже упоминавшемся документальном фильме BBC в своем интервью Су Чжи говорила: “Я всегда помнила, что Бирма – моя страна. Никогда даже не думала о возможности принятия британского гражданства, это никогда не приходило в мне в голову. Я родилась бирманкой и буду бирманкой до конца моих дней”. На занятиях в колледже она демонстративно носила бирманскую женскую юбку-тхамейн, хотя никогда ранее немногочисленные бирманские студенты в Оксфорде не надевали публично традиционную одежду [Lubina 2015, 108]. Тем временем в доме Гор-Бутов, который регулярно посещали представители английской элиты, Аун Сан Су Чжи познакомилась с братьями Энтони и Майклом Эйрисами, сыновьями одноклассника ее опекуна (в 1972 г. она вышла замуж за М. Эйриса, специалиста по тибетской культуре и истории) [Hoge 1999].

Нужно отметить, что, несмотря на усилия семьи и окружения Су Чжи по развитию ее карьерных амбиций, на протяжении длительного периода девушку, по-видимому, больше привлекали образ хозяйки дома и тихая семейная жизнь. По мнению биографа, в течение нескольких лет она разрушила две большие возможности для начала блестящей карьеры, научной или политической: сначала сдала на тройку курс оксфордской политологии, затем не показала особых успехов в работе под руководством двух ведущих англо-саксонских бирманистов – англичанина Хью Тинкера

и американца Фрэнка Трэгера [Lubina 2015, 116]. Только со временем она начала осознавать свой политический статус как дочери национального героя Бирмы и понимать неотвратимость своего вовлечения в бирманскую политику.

Можно утверждать, что становление Аун Сан Су Чжи как политика началось на рубеже 1960-х и 1970-х гг., во время ее пребывания в Соединенных Штатах Америки. С 1969 г. она в течение трех лет работала в Нью-Йорке сотрудником секретариата ООН и приобретала необходимый для ее будущей карьеры политический и административный опыт. На эту работу Су Чжи попала благодаря знакомству с давним другом отца, известной бирманской певицей Ма Тан Э (в крещении Дора Тан Э), которая в годы Второй мировой войны работала диктором британских и американских радиослужб, а с 1948 г. на протяжении четверти века трудилась в ранге Международного гражданского служащего (International Civil Servant) в Организации Объединенных Наций. Ма Тан Э, в чьей квартире в центре Манхэттена поселилась девушка после приезда в Нью-Йорк, представила ее другому соотечественнику, Генеральному секретарю ООН У Тану – некогда одному из ближайших соратников бирманского премьер-министра У Ну [Stewart 1996, 33–34].

На протяжении всего периода пребывания в Америке Су Чжи обменивалась письмами со своим будущим супругом Майклом Эйрисом, который в то время находился в Бутане и воспитывал детей местной королевской четы. Подробности этой переписки до сих пор не известны – письма Су и Майкла хранятся вне публичного доступа в Бодлианской библиотеке (Bodleian Library) в Оксфорде, однако несколько их фрагментов были опубликованы Майклом Эйрисом в 1991 г. в предисловии к книге Су Чжи “Свобода от страха” (“Freedom from Fear”). Эти отрывки свидетельствуют о фактически уже оформившемся в данный период понимании дочерью Аун Сана своей миссии в бирманской политике и в целом в истории страны. Так, ее супруг отмечал в упомянутом предисловии: в письмах она “постоянно мне напоминала, что однажды ей придется вернуться в Бирму, что она рассчитывает на мою помощь не как на нечто ей положенное, но как на добровольную услугу”. В частности, в одном из посланий Су Чжи писала, обращаясь к будущему мужу: “Пожалуйста, прошу только

об одной вещи: если мои люди будут нуждаться во мне, помоги мне исполнить по отношению к ним свой долг [...] я уверена, что твои любовь и сострадание, в конце концов, окажутся сильнее” [Aung San Suu Kyi 2010, 17]. Как представляется, этот решающий поворот в личной и политической эволюции будущего лидера бирманской оппозиции произошел под непосредственным влиянием незаурядной личности Ма Тан Э – “тети Доры”, или даже “моей второй мамы”, в интерпретации Аун Сан Су Чжи, крепко подружившейся с соотечественницей за годы жизни в “бирманском доме” на Манхеттене [Lubina 2015, 114].

Неудивительно, что уже в 1974 г., во время одной из своих поездок к матери, по времени совпавшей со студенческими беспорядками в Рангуне в связи с похоронами бывшего Генсека ООН У Тана, Су Чжи пообещала представителям Не Вина, что она не станет включаться в антиправительственную деятельность, “не будет ничего делать из-за рубежа”, и “если примет участие в политике”, то “сделает это из Бирмы” [Lubina 2015, 122]. После своего возвращения в Англию Аун Сан Су Чжи помогала мужу в его исследованиях, работала над биографией отца и воспитывала сыновей Александра и Кима. В 1987 г. они в сопровождении матери посетили в Рангуне свою бабушку До Кхин Чжи и прошли традиционную буддийскую церемонию пострижения в монахи. Эта акция, как и ранее прошедшая буддийская церемония бракосочетания Аун Сан Су Чжи с М. Эйрисом [Aung San Suu Kyi – Biographical; Hoge 1999], позволила дочери Аун Сана укрепить свои политические позиции в кругу бирманской элиты с ее традиционалистскими симпатиями. Незадолго до этого, на рубеже 1970-х и 1980-х гг., социальное и финансовое положение семьи Эйрисов существенно улучшилось. Майкл еще в 1978 г. защитил магистерскую диссертацию по истории Бутана, принесшую ему признание в научной среде. В это время супруги продали лондонскую квартиру и купили новый дом в Оксфорде – “красивое и роскошное здание” на углу улицы Парк-Таун, в старом и престижном районе, полном зелени [Lubina 2015, 133].

Со стороны могло показаться, что дочь Аун Сана уже не вернется на родину и навсегда потеряна для бирманской политики. Тем не менее даже в этот период знакомые и друзья семьи отмечали ее политические амбиции. Так, в 1986 г., во время стажировки

в Университете Киото, Су Чжи, по воспоминаниям ее знакомого, бирманца Майкла Аун-Твина, показывала семилетней дочери последнего бирманскую монету с изображением Аун Сана и рассказывала девочке о заслугах национального героя Бирмы. Как отмечал М. Аун-Твин, дочь Аун Сана считала себя избранной частью бирманской элиты, была убеждена в своем праве на верховную власть, которую оставил ее отец. По словам ее знакомого, однажды она даже прямо заметила в разговоре с ним: “Мое призвание – править Бирмой” [Lubina 2015, 146].

Между тем политическая обстановка на родине Аун Сан Су Чжи оставалась взрывоопасной: продолжалась гражданская война между правящими модернистами и левыми радикалами, не утихало противостояние между правительственной армией и национальными меньшинствами. В то же время, прогрессирующий в Бирме процесс урбанизации, расширение и реформирование системы современного образования способствовали обострению обстановки в городах, где даже в условиях сохранения власти в руках армии происходило увеличение политического веса студенческих контрэлитных групп. Во второй половине XX в. радикалы из среды городской контрэлиты несколько раз громко заявляли о себе – во время волнений и демонстраций 1962, 1974, 1976 и 1987 гг. [Васильев 2010, 306, 313–320]. Постоянно нараставшие экономические трудности вызвали новые студенческие беспорядки весной 1988 г. Они начались 12 марта с мелкого конфликта между студентами и местной молодежью в одном из уличных кафе Рангуна [Васильев 2010, 321; Student killed... 1988, 32–33]. Политическая ситуация в стране начала выходить из-под контроля властей.

К моменту кризиса режима, установленного в стране бирманскими модернистами, вполне сформировалось и уже готовилось войти во власть “второе поколение” вестернизированного крыла постколониальной элиты Бирмы. Помимо Су Чжи, оно было представлено, в частности, бывшим главой личной охраны Не Вина и начальником военной разведки страны генералом Кхин Ньунтом, генеральным директором департамента поставок армии, католиком по вероисповеданию, генералом Давидом Абелем, дочерью, зятем и другими родственниками генерала Не Вина [Симония 2011, 296–297]. Модернисты Не Вина осознавали, что

легитимный в глазах народа наследник “архитектора” независимой Бирмы сможет удержаться у власти, только если сумеет взять под контроль мощное студенческое движение, сохранив при этом связи с армейским ядром национального истеблишмента, а также поддерживая широкие контакты внутри мировой, в том числе западной, элиты. Необходимые для выполнения этой задачи образование, некоторый административный опыт и личные знакомства Аун Сан Су Чжи приобрела в предшествующий, “теневой” период своей биографии. Резкое обострение внутриполитической обстановки в Бирме стало подходящим моментом для старта ее активной политической карьеры, и 1 апреля 1988 г. она срочно вылетела из Лондона в Рангун. Случившийся накануне тяжелый инсульт у ее матери, До Кхин Чжи (после длительной болезни она скончалась 27 декабря 1988 г.) [Aung San Suu Kyi – Biographical; Suu Kyi pays... 2010], по нашему мнению, лишь ускорил отъезд Су Чжи на родину. В свете вышесказанного не вызывает удивления, что, вернувшись в страну, будущий лидер бирманской оппозиции, при посредничестве давнего соратника Аун Сана У Мьинта, сразу попыталась встретиться с генералом Не Вином, после чего в адресованном ему личном послании подтвердила свою готовность включиться в национальный политический процесс [Aung Zaw 2013, 13].

Тем временем в июне 1988 г. Бирму всколыхнула новая волна беспорядков, произошли новые столкновения демонстрантов с полицией. На чрезвычайном съезде правящей Партии бирманской социалистической программы, состоявшемся 23–25 июля 1988 г., ушел в отставку ее председатель генерал Не Вин. Кризис режима Партии бирманской социалистической программы вступил в свою финальную стадию. Голоса в поддержку реформирования политической системы страны звучали в это время из самых разных кругов бирманской элиты. Сам генерал Не Вин еще в конце июля 1988 г., в своем выступлении на съезде ПБСП, предложил подумать об отмене однопартийной системы и о проведении демократических выборов [Ne Win’s speech 1988, 4]. “Я все еще помню, как мы смотрели с Су заседание съезда”, – вспоминал ее муж, который присоединился к жене вскоре после ее отъезда из Великобритании. По словам Майкла, именно тогда Су Чжи приняла окончательное решение включиться в борьбу за

власть [Lubina 2015, 153]. В этот период толпы на улицах, отвергая режим ПБСП, искали кандидатов на роль новых лидеров страны. Протестующие все чаще выходили с флагами Бирмы “парламентского” периода и с портретами Аун Сана, который спонтанно превратился в символ отвержения непопулярного режима военных модернистов. Поэтому неудивительно, что уже в конце июля 1988 г. внимание масс обратилось в сторону Су Чжи – информация о ее приезде в страну широко распространилась по всему Рангуну. Ее дом на улице Университетской, 54 стало посещать все больше людей, которые призывали дочь Аун Сана войти в политику [Lubina 2015, 153–154].

На таком фоне 15 августа 1988 г. появилось первое публичное заявление будущего лидера бирманской оппозиции – в своем открытом письме Аун Сан Су Чжи предложила правительству страны сформировать широкий совещательный орган для подготовки к демократическим выборам [Aung San Suu Kyi – Biographical]. Между тем в накаленной политической обстановке лета 1988 г. правительство гражданского президента Бирмы д-ра Маун Мауна 24 августа отменило в Рангуне и окрестностях введенное ранее военное положение. В этот же день до того неизвестная широкой публике дочь генерала Аун Сана посетила находящийся в Рангунском генеральном госпитале раненых демонстрантов и обратилась к собравшимся у стен госпиталя оппозиционерам со своей первой публичной речью. Планируя свое первое выступление, днем раньше она тайно встретила с Тин Аун Тхейном, министром юстиции в правительстве ПБСП. Су Чжи сообщила ему, что собирается публично выступить за прекращение кровопролития, не имея никаких “скрытых целей”. Начинаящий политик попросила, чтобы бирманский лидер дал разрешение на собрания, несмотря на военное положение. Тин Аун Тхейн обещал, что сделает все, что в его силах, – и действительно, на следующий день военное положение было отменено [Lubina 2015, 162–163].

Через два дня, 26 августа, на грандиозном полумиллионном митинге у буддийской святыни Бирмы, пагоды Шведагон, Аун Сан Су Чжи выступила с масштабной политической декларацией. Она заявила, что, как дочь национального героя Бирмы, не может равнодушно наблюдать за происходящим кризисом и поэтому активно включается в текущий политический процесс. Данное

выступление стало переломным моментом в политической биографии нового лидера бирманских модернистов. Оно сделало Су Чжи знаменем всего протестного движения, представило ее как политика общенационального масштаба [Aung San Suu Kyi 2010, 270; Aung Zaw 2013, 13–14; Oppositionists address... 1988, 7]. Своей дебютной речью дочь Аун Сана буквально пленила бирманцев. “Мое первое впечатление было, что это настоящая дочь военачальника, – вспоминала присутствовавшая на митинге Инь Инь Мэй. – Я была шокирована: этого от нее не ждали!” “Мы все были поражены”, – добавила другая участница митинга [Lubina 2015, 168].

Как представляется, на данном этапе свой политической карьеры Аун Сан Су Чжи успешно реализовала важный элемент замысла генерала Не Вина по урегулированию кризиса 1988 г. По нашему мнению, упомянутый план предусматривал комплексное сочетание армейского силового давления на протестующих и вербально-психологического воздействия на толпу со стороны пользующегося ее безусловным доверием оппозиционного лидера. В разгар кризиса своими выступлениями Су Чжи как могла успокаивала разъяренных людей, рассеивала и направляла в нейтральное русло их неконтролируемую агрессию [Васильев 2010, 341–342]. В дальнейшем, согласно замыслу руководства страны, дочери Аун Сана предстояло возглавить и привести к победе на выборах внешне не связанную с режимом ПБСП общенациональную политическую партию.

Нужно сказать, что сама возможность демократической передачи властных полномочий в неопытные руки Су Чжи в условиях острейшего политического и экономического кризиса вызвала резкое неприятие со стороны консервативной части бирманских военных. Не менее неприемлемым аспектом данной политической трансформации для группировки военных традиционалистов являлись подробности биографии “иностранки миссис Эйрис” – человека, большую часть жизни проведшего за рубежом, имеющего супруга-иностранца и детей-полукровок [Васильев 2010, 339; The 93rd State... 1990, 5]. В распространяемых по стране листовках и слухах, а затем и в официальной печати против Аун Сан Су Чжи была развернута мощная кампания “черного пиара”, которая растянулась на долгих два десятилетия.

“Рассказывали всевозможные глупости: что у меня от двух до четырех мужей, что я якобы коммунистка, а в других случаях – агент ЦРУ”, – вспоминала лидер оппозиции в одном из позднейших интервью [Lubina 2015, 197]. На этом фоне массовое оппозиционное движение в Бирме продолжало неуклонно расширяться. Сообщения о беспорядках и жертвах шли отовсюду. В городах воцарилась атмосфера подозрительности – везде искали агентов правительства, которые якобы отравляли воду и продукты. Заподозренных в поддержке режима Не Вина, прежде всего захваченных военных и полицейских, сжигали заживо, вешали на фонарных столбах, обезглавливали, а их отрубленные головы выставляли на кольях вдоль дорог. Су Чжи пыталась противодействовать этой волне самосудов, не раз выступала в защиту обвиняемых, о которых ей успевали доложить, но “гнев против военной разведки был так велик, что избежать линчевания подозреваемым стало практически невозможно” [Lubina 2015, 171]. Бирма постепенно сползала в анархию и хаос, нарастала угроза общей дезинтеграции страны.

Перед лицом подобной перспективы 18 сентября 1988 г. с согласия командующего армией генерала Не Вина, в стране произошел новый военный переворот. Впервые в истории независимой Бирмы у власти встали консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск бирманской армии. Они сформировали новое фактическое правительство страны – Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП, с 1997 г. – Государственный совет мира и развития), подтвердивший принятое еще при прежнем режиме решение о проведении в стране многопартийных выборов [Multi-party... 1988, 13–14; Васильев 2010, 334, 342]. Ядром сопротивления новому военному режиму стала официально созданная 26 сентября 1988 г. Национальная лига за демократию, быстро превратившаяся в массовую общенациональную партию. Ее Центральный исполнительный комитет (ЦИК) возглавили отставные генералы Аун Чжи и Тин У, а также ставшая генеральным секретарем партии Аун Сан Су Чжи. Аун Чжи и Тин У пригласили в партию в основном бывших военных: не менее восьми человек из руководства НЛД служили когда-то в армии на офицерских и генеральских должностях. Среди отставных военных в руководстве

НЛД стоит особо отметить Аун Шве, опытного дипломата, ставшего впоследствии долголетним председателем Национальной лиги за демократию, а также У Лвина, соратника Аун Сана и Не Вина, министра финансов и планирования, вице-преьера и члена Государственного Совета при режиме ПБСП, который был назначен казначеем партии демократической оппозиции. Вокруг Су Чжи, в свою очередь, группировалась в основном оппозиционная интеллигенция (видный журналист Вин Тин, глава рангунских юристов Мьинт Мьинт Кхин, медик Тин Мьо Вин, ставший личным врачом лидера бирманских модернистов, и др.) [Lubina 2015, 187, 194].

Подлинным стержнем партии, ее признанным лидером почти сразу стала дочь генерала Аун Сана. В начавшейся предвыборной кампании ее поездки неизменно привлекали толпы сторонников, вызывали невиданный народный энтузиазм. Не было сомнений, на чьей стороне лежат симпатии большинства людей, нередко выражаемые в старобирманском монархическом стиле. Так, по свидетельству очевидцев, одна старуха при виде Су Чжи запела старую бирманскую песню, которая начиналась словами: “Вот правитель нашего царства!” Тысячные толпы встречали ее возгласами: “Да здравствует Аун Сан Су Чжи!”, “Здоровья!”, “Будда, помоги Аун Сан Су Чжи!”, “Исполнения желаний!” [Lubina 2015, 223].

Растущее народное обожание и поддержка упомянутых представителей бирманского истеблишмента стали опорой Аун Сан Су Чжи в развернутой ею кропотливой работе по установлению контроля над усилившейся студенческой контрэлитой – новым главным (после поражения бирманских коммунистов) политическим оппонентом бирманской верхушки. Надо отметить, что сами студенты неслучайно считали ее слишком уступчивой, не желающей разворачивать вооруженную борьбу против режима. Студенческие лидеры (Мин Ко Найнг и др.) также не раз выражали сожаление и ревность в связи с “кражей” их славы в 1988 г: ведь это они начали революцию, но ее результаты оказались использованы дочерью Аун Сана, получившей власть в партии и народную любовь [Lubina 2015, 211]. В свою очередь, Су Чжи, заключившая со студентами тактический союз, оказалась в двойственном положении. С одной стороны, на студенчество опира-

лась региональная сеть НЛД (“дистанцироваться от мнения студентов грозило потерей тысяч молодых активистов, которые снизу делали больше, чем кто-либо, чтобы выстроить организационную структуру партии” [Lubina 2015, 211]). С другой стороны, многочисленность студентов, их непримиримость и желание возмездия режиму, по опыту недавних событий, были чреватые неуправляемой дезинтеграцией социума, создавали опасность и для партии, и для всей бирманской элиты, которая уже давно с трудом сдерживала напор студенческих радикалов. В противостоянии Аун Сан Су Чжи со студентами пик событий пришелся на 22 марта 1989 г. Тогда на собрании ЦИК НЛД студенческие лидеры резко заявили о желании создать отдельную партию. Дело дошло до “честной партийной дискуссии”, в ходе которой один из студентов “взорвался яростью”, а Су Чжи дала ему столь же яростную отповедь. Тем не менее “умно играя своим авторитетом, ей удалось предотвратить раскол” партии и при этом отвергнуть лозунг свержения военных и формирования временного правительства [Lubina 2015, 212].

Это была первая победа над студенческими радикалами со стороны лидера бирманских модернистов, которая и в начавшейся предвыборной кампании поначалу демонстрировала готовность к компромиссу с консервативным крылом национальной элиты. В своих речах и интервью этого периода Су Чжи подчеркивала, что “раскол в армии противоречит интересам нации”, говорила, что у нее “хорошие отношения с армией”, и даже признавала, что ее отношение к военным носит особый характер (“я не чувствую по отношению к ним ту же враждебность, что и народ, хотя я понимаю эту злость и считаю, что это очень, очень печально”) [Lubina 2015, 204].

Однако правящие военные консерваторы не собирались признавать право на власть “иностранки” Аун Сан Су Чжи. Накануне намеченных на 2 января 1989 г. похорон скончавшейся незадолго до того матери главы НЛД лидеры режима генералы Со Маунг, Кхин Ньюнт и По Мьинт нанесли визит лидеру оппозиции и внесли свои записи в книгу соболезнований [Lubina 2015, 198]. В ходе состоявшейся беседы военные подтвердили свою готовность провести в стране демократические выборы, однако, по нашему предположению, четко дали понять, что при любом их

исходе не отдадут власть в руки оппозиционной партии. После этой встречи градус конфронтации Аун Сан Су Чжи и военных консерваторов неуклонно усиливался, пока в июле 1989 г. лидер оппозиции впервые не подвергла резкой критике отставного генерала Не Вина – по-прежнему наиболее авторитетного человека в военной среде, в этот период окончательно вставшего на сторону консервативного крыла армии. Су Чжи открыто заявила, что именно бывший главком бирманской армии привел ее “на неверный путь. Он плохо командовал солдатами. Теперь вооруженные силы должны осознать, что основателем армии был генерал Аун Сан. Выбирайте – армия Аун Сана или армия Не Вина!” [Lubina 2015, 244]. Как представляется, в условиях исчезновения перспективы передачи власти в руки НЛД даже в случае ее победы на предстоящих выборах, лидер партии приняла решение изменить тактику политической борьбы. Она сознательно сыграла на обострение, чтобы, спровоцировав против оппозиции волну репрессий, привлечь к положению в Бирме внимание международной общественности, а также снискать поддержку и сочувствие внутри страны.

Между тем итоги назначенных еще при социалистическом режиме и поддержанных военными консерваторами многопартийных выборов, которые состоялись 27 мая 1990 г., оказались неожиданными для многих участников и наблюдателей. С большим перевесом на них победила не Партия национального единства (преемница ПБСП), с которой новая власть надеялась наладить конструктивный диалог, а главная партия бирманской оппозиции [Election Returns. Burma press... June 1990, 9–37]. Национальная лига за демократию (НЛД) получила 392 из 485 парламентских мест, или более 80 %, а ПНЕ – только 10 мест. Электоральный успех НЛД был достигнут в условиях развернутых военным режимом массовых репрессий против демократического движения. По всей стране были арестованы тысячи активистов, закрыт главный офис оппозиционной партии и разгромлено множество ее филиалов. Желая освободить место для политических заключенных, власти выпустили из тюрем 18 тысяч уголовных преступников. 20 июля 1989 г., примерно за год до выборов, правящие военные поместили под домашний арест и саму дочь генерала Аун Сана, которая была лишена права участвовать в

предстоящей избирательной кампании [Daw Aung San... 1989, 15; Васильев 2010, 348].

После сокрушительного поражения военных модернистов на прошедших выборах консерваторы из правящего ГСВЗП заявили, что передадут власть только ответственному гражданскому правительству, избранному по нормам новой Конституции [The 93rd State... 1990, 4–5]. Однако в связи с тем, что впервые собравшаяся в январе 1993 г. Национальная конституционная конвенция работала над новым Основным законом чрезвычайно медленно и с большими перерывами, в стране на длительный срок – более чем на два десятка лет – установилось прямое военное правление. Все это время, находясь под домашним арестом, который дважды прерывался периодами свободного передвижения по стране, Аун Сан Су Чжи пыталась вести переговоры с правящими консерваторами и одновременно стремилась сохранить организационные структуры своей главной политической опоры – Национальной лиги за демократию [Васильев 2010, 348–349, 366].

Долгая жизнь главы НЛД в условиях домашнего ареста, который продолжался в общей сложности почти 15 лет (с 1989-го по 1995 г., с 2000-го по 2002 г. и с 2003-го по 2010 г.), достойна отдельного описания. По собственным словам бессменного лидера оппозиции, много лет подряд она просыпалась в половине пятого утра и затем через час медитировала. Спустя полтора часа она слушала радио – новости BBC. Затем читала и принимала ванну. После “составляла ежедневную программу чтения, уборки, шитья или любой другой задачи на сегодняшний день”. В интервью Барбаре Брэдли До Су подчеркивала, что такая жизнь ее вовсе не тяготила: “В целом не было скучно. У меня никогда не было достаточно времени сделать все. День кончался, а я все еще не успевала прочесть намеченное или сделать что-то другое” [Lubina 2015, 255]. И, тем не менее, это все же не была простая будничная жизнь, которую ведут многие люди. Как признавала Аун Сан Су Чжи в своей нобелевской лекции, прочитанной в 2012 г., “часто во время моего домашнего ареста я чувствовала, что уже не являюсь частью реального мира. Был дом, часть моего мира. Был мир других моих земляков, которые не были свободными, будучи заключенными вместе со мной. И был мир свободных.

Каждый из этих миров, как мне казалось, представлял особую планету, которые направляли свой путь в равнодушной Вселенной” [Lubina 2015, 254]. Условия жизни лидера оппозиции не были простыми даже в сугубо материальном плане: хотя ей помогала в быту служанка Мария, тем не менее уже в начале своего домашнего ареста Су Чжи отказалась от любой поддержки со стороны супруга, чтобы не давать пищи пропагандистской машине мьянманских традиционалистов [Lubina 2015, 275]. Неудивительно, что, по ее собственному признанию, одно время у нее даже не было денег на еду: “Я стала так слаба от недоедания, что начали выпадать волосы и я не могла встать с кровати” [Lubina 2015, 257]. В конечном итоге Су Чжи заключила с властями соглашение: она стала продавать мебель из дома через офицеров из ее охраны. Впоследствии, когда на счета лидера оппозиции стали поступать немалые гонорары за изданные на Западе книги, она, по договоренности с властями, перевела часть этих сумм в мьянманские банки и больше не бедствовала в материальном аспекте [Lubina 2015, 262–263].

Домашний арест и другие подробности политической карьеры лидера мьянманской оппозиции рано получили широкую известность и признание в мире, чему способствовали личные связи и лоббистские усилия ее супруга М. Эйриса. Последний долгие годы преподавал в престижных колледжах Св. Иоанна и Св. Антония Университета Оксфорда, с которыми в разные годы были связаны такие видные представители английской и мировой элиты, как англо-германский политик, социолог и экономист лорд Р. Дарендорф, премьер-министр Великобритании Э. Блэр, сенатор и кандидат в президенты США Г. Харт, член японской императорской фамилии принц Акисино. Когда Аун Сан Су Чжи после своего возвращения в Мьянму вступила в острый конфликт с местными военными консерваторами, правление колледжа Св. Иоанна предоставило Майклу Эйрису академический отпуск с полным обеспечением для защиты интересов своей жены на международной арене [Hoge 1999].

Во многом благодаря контактам М. Эйриса (сам он скончался от рака в марте 1999 г., не вынеся многолетней разлуки с супругой) глава НЛД уже летом 1991 г. стала лауреатом премии “За свободу мысли” имени Андрея Сахарова, присуждаемой

Европейским парламентом. Осенью этого же года, с формулировкой “за ненасильственную борьбу во имя демократии и прав человека”, лидеру мьянманской оппозиции была присуждена Нобелевская премия мира [Aung San Suu Kyi – Biographical]. Одновременно с упомянутым награждением в США, Великобритании и ряде других стран мира вышла в свет автобиографическая книга Аун Сан Су Чжи “Свобода от страха”. В ней, в частности, генеральный секретарь НЛД подчеркивала приверженность политическим принципам своего отца генерала Аун Сана – сторонника формирования в стране демократической политической системы, которая, в сочетании с сильной и популярной в народе армией, сможет сохранить от дезинтеграции новую бирманскую государственность [Aung San Suu Kyi 2010, 272–273].

В то же время, ориентируясь в своей деятельности, прежде всего, на широкую мьянманскую аудиторию с ее традиционалистскими симпатиями, политическая наследница “архитектора” новой Мьянмы в своих заявлениях и публикациях часто затрагивала тему буддийской религии – одной из главных старомьянманских политических ценностей [Aung San Suu Kyi 2010, 282, 362–367; Houtman 1999, 292–293, 295, 298–299]. После своего первого освобождения из-под домашнего ареста в июле 1995 г. Су Чжи особенно усердно показывала сторонникам свою приверженность традиционным идеологическим представлениям. Так, в свою первую же поездку за пределы Янгона она отправилась в монастырь Тхаманья, к знаменитому монаху У Винайя. Кроме того, она начала регулярно жертвовать деньги четырем монастырям в столице и часто приглашала в дом другого известного буддийского учителя, монаха Сайядо У Пандита, который наставлял ее в тонкостях буддийской медитации [Lubina 2015, 353].

Стоит особо отметить, что домашний арест Аун Сан Су Чжи и массовые репрессии против оппозиции временно укрепили политические позиции мьянманских традиционалистов, однако в пропагандистском плане в борьбе с местными модернистами правящие военные консерваторы потерпели тяжелое поражение. Умело апеллируя к традиционным ценностям, Су Чжи уже к началу 1990-х гг. стала в глазах патриархально настроенной массы населения “гаунгъяунджи” (“gaungzaunggyi”), “великим вождем”, – кем-то вроде народного героя и спасителя, способного сделать

всех людей богатыми и счастливыми. Ее победу на выборах воспринимали не столько в демократических категориях, сколько как признание дочери Аун Сана законным правителем страны (“Маха Саммата”, “Великим Избранным”) в буддийской политической традиции. На этом сакрализация образа Су Чжи не заканчивалась. Так, бирманцы верили, что она – реинкарнация “божественной матери-земли (Vasundra), которая освободит их от рабства злых палачей из армии”. Люди называли ее бодхисаттвой (Буддой в процессе становления), натом (духом) демократии, натом улицы Университетской и т. п. После победы НЛД на выборах 1990 г. по Бирме разошлась слухи, что левая грудь статуй Будды в храмах начала набухать (как у кормящей матери), сами же статуи плакали. Это истолковывалось как доказательство того, что силы “матери нации” будут расти и “спасут бирманцев от страданий” [Lubina 2015, 298–299]. Со своей стороны, ее консервативные оппоненты, – как правило, выходцы из провинциальных деревень и городков, – опасались покушаться на жизнь лидера НЛД, поскольку считали, как замечали наблюдатели, что в случае насильственной смерти Аун Сан Су Чжи превратится в очень сильного злого духа и будет мстить своим убийцам. В целом, как отмечали иностранные СМИ, в середине 1990-х гг. дом “амэй Су” (“мамы Су”), к которому еженедельно стекались толпы народа послушать любимого лидера, по сути, превратился в альтернативный центр власти в стране, своего рода неофициальный “храм династии” [Lubina 2015, 369].

Следует сказать, что огромный символический капитал народной популярности Аун Сан Су Чжи на протяжении четверти века нарастающими темпами трансформировался в ее политическое влияние как в обществе, так и на всех этапах мьянманской элиты (включая приобретение главой НЛД силового ресурса для эффективных действий на местной политической арене). Во многом благодаря этому влиянию дочь генерала Аун Сана 10 ноября 2010 г., через несколько дней после прошедших в Мьянме всеобщих парламентских выборов, окончательно вышла на свободу [Daw Aung San... 2010, 8]. Сами выборы, положившие начало демократизации политического режима Мьянмы, стали возможными в результате последовательной реализации т. н. “Дорожной карты на пути к демократии”, предложенной еще в августе 2003 г.

правительством модерниста Кхин Ньюнта, бывшего соратника генерала Не Вина [Roadmap to democracy... 2003]. Добившись одобрения этого плана в Госсовете мира и развития (а затем активно прорекламировав его на уровне АСЕАН) и одновременно умело дистанцируясь от лидера НЛД в публичной плоскости, генерал Кхин Ньюнт, по замечанию российского эксперта П. Н. Козьмы, приложил тогда максимум усилий для будущей либерализации военного режима, которая резко расширила политические возможности Аун Сан Су Чжи. Кроме того, незадолго до назначения главой правительства он фактически спас Су Чжи от гибели в ходе событий в Депаине – вооруженного нападения на кортеж лидера оппозиции со стороны неизвестных погромщиков, в результате которого погибло около 50 человек. Согласно позднему признанию Кхин Ньюнта, именно оперативно присланные им на место событий люди вырвали До Су из рук разъяренной толпы и увезли в безопасное место – в ближайшую воинскую часть, после чего лидер оппозиции была вновь помещена под домашний арест [Lubina 2015, 283, 443–444; In his own words... 2012].

Невзирая на этот арест, генерал Кхин Ньюнт в конце 2003-го – начале 2004 г. провел закулисные переговоры с лидером НЛД об участии оппозиции в процессе подготовки новой Конституции страны. Эти встречи были до такой степени засекречены, что сам факт их проведения всплыл в прессе лишь спустя много лет. Сама Су Чжи в беседе с журналистами сказала в 2010 г. об упомянутых переговорах: “Практически мы там почти договорились” [Lubina 2015, 448]. По нашему предположению, попавшая к мьянманскому лидеру Тан Шве информация об уровне поддержки НЛД со стороны главы правительства Мьянмы впоследствии привела к политическому краху генерала Кхин Ньюнта. 19 октября 2004 г. он был арестован вместе с большинством сторонников и приговорен к 44-летнему тюремному заключению, вскоре замененному домашним арестом [Lubina 2015, 450; In his own words... 2012]. Выйдя на свободу в январе 2012 г. на волне либерализации военного режима, Кхин Ньюнт, тем не менее, продолжает присутствовать в публичном пространстве. В частности, генерала видели в ходе дополнительных выборов в парламент в апреле 2012 г., на которых он, по имеющейся информации, проголосовал на НЛД [I voted for party... 2012].

Как указывал П. Н. Козьма, его ближайшим соратником на протяжении долгих лет был еще один влиятельный представитель модернистского крыла мьянманской военной элиты – генерал Давид Оливер Абель, начальник интендантской службы армии в правление генерала Не Вина. Выпускник британской королевской военной академии Санджерст, генерал Д. Абель после переворота 1988 г., как и Кхин Ньют, вошел в новое руководство страны – там он одновременно совмещал посты министров торговли, финансов, планирования и экономического развития. В 1990-е гг. Д. Абель неофициально считался “экономическим царем” Мьянмы и реформировал в рыночном ключе национальную экономику, фактически подготавливая почву для политического реванша местных модернистов [Burma’s former... 2006; ‘Don’t be so impatient’ 1997].

В позднейший период наиболее заметным политическим союзником Аун Сан Су Чжи в военной элите являлся постоянный член ГСМР, начальник Генерального штаба Вооруженных сил и “номер три” в иерархии военного режима генерал Тура Шве Ман. В армейской среде особо ценился его титул Тура (“храбрый”), полученный в 1988 г. за участие в кампании по борьбе с каренскими повстанцами (в мьянманской армии такое звание равносильно званию героя и после присвоения в обязательном порядке должно употребляться в официальных документах). В ходе начавшейся после 2011 г. политической оттепели вышедший в отставку генерал Тура Шве Ман стал спикером нижней палаты парламента, тесно взаимодействовал там с депутатами от НЛД и некоторое время считался наиболее вероятной компромиссной кандидатурой на пост президента страны после выборов 2015 г. [Myanmar’s speaker... 2013]. С его посреднической деятельностью наблюдатели связывают неожиданную встречу в декабре 2015 г. “иконы демократии” с находящимся на пенсии бывшим главой военного руководства страны старшим генералом Тан Шве, в ходе которой последний назвал Аун Сан Су Чжи “будущим лидером” Мьянмы. В дальнейшем, в условиях нехватки у победившей НЛД опыта законотворчества и профессиональных кадров управленцев, в феврале 2016 г. бывший начальник Генштаба возглавил созданную при парламенте Комиссию по оценке законотворчества и особым вопросам [Бывший лидер Мьянмы...]

2015; NLD patronage... 2016]. Опыт работы генерала на посту спикера, по замечанию эксперта, должен способствовать достижению эффективных результатов в работе комиссии, занявшейся пересмотром прежнего законодательства. С подачи Туры Шве Мана два его ключевых союзника в рядах руководства Союзной партии солидарности и развития (отставные военные Тейн Све и Тура Аун Ко) также вошли в сформированный после выборов 2015 г. правительственный кабинет НЛД [Who's who... 2016].

На низших уровнях военной иерархии социальную базу До Су, как отмечает П. Н. Козьма, традиционно составляют младшие и средние офицеры (их кумиром является отец Аун Сан Су Чжи, в возрасте 26 лет ставший генералом), обеспокоенные застоем и несменяемостью верхнего эшелона военной элиты. При этом сама лидер НЛД неизменно отвечает взаимностью своим сторонникам в рядах вооруженных сил и в целом продолжает предельно лояльно относиться к “армии своего отца”, которую она “очень любит” [Lubina 2015, 486]. Примечательно, что данная позиция была впервые продекларирована Аун Сан Су Чжи еще в 1988 г., что, однако, никогда не мешало ей предельно жестко относиться к своим соперникам в военной элите и, фактически, вести с ними диалог с позиции силы. В частности, по мнению упомянутого российского эксперта, в случае вооруженной конфронтации между модернистским и консервативным крыльями национальной элиты значительная часть (до половины) армии Мьянмы – учитывая уровень поддержки в армейской среде лидера мьянманских модернистов – сложит оружие и займет по отношению к Су Чжи позицию благожелательного нейтралитета. Согласно этому же экспертному мнению, при реализации такого сценария активную вооруженную опору Аун Сан Су Чжи должны составить отряды боевиков, заблаговременно подготовленные в неподконтрольных власти регионах. По замыслу организаторов, они станут ядром толп погромщиков, атакующих отряды армии и полиции. Как показывает опыт беспорядков 1988 г. и позднейших волнений (например, в Мейкхиле в марте 2013 г.), внезапное и повсеместное появление многочисленных погромщиков, при должной организации последних, может парализовать верные консервативной элите части вооруженных сил и привести ее к военному поражению. В то же время необходимо

отметить, что перспектива подобного поражения армейских традиционалистов выступала и выступает лишь одним из элементов укрепляющего политического влияния лидера НЛД.

Другим таким фактором стало усиление единоличного лидерства Су Чжи в рамках самого демократического движения. Как показали события последних лет, и до, и после выборов 2010 г. лидер мьянманской оппозиции искусно лавировала между всеми группами своего окружения и постепенно подчиняла их своему влиянию. Так, по нашему предположению, генеральный секретарь НЛД в мае 2009 г. лично инициировала эпизод с незаконным визитом иностранца на свою виллу (с последующим судебным процессом по этому делу над лидером мьянманской оппозиции), имея целью подвести главную оппозиционную партию Мьянмы под законную ликвидацию и перерегистрацию властями [Симония 2011, 300–303; Press briefing... 2010, 3]. Как отмечал П. Н. Козьма, благодаря этой акции Су Чжи, фактически руками правящих консерваторов, провела генеральную чистку руководства Национальной лиги за демократию, максимально сократила кадровый балласт в лице старого поколения “отцов-основателей” партии. Вместо них в окружении главы НЛД появились новые люди, позволившие Аун Сан Су Чжи решить давно стоявшую перед мьянманской верхушкой задачу политического подчинения праворадикальной городской контрэлиты. В частности, П. Н. Козьма отмечает, что накануне довыборов в парламент в апреле 2012 г. главе мьянманской оппозиции удалось привлечь в ряды своей партии ряд бывших лидеров студенческих протестов – им были обещаны парламентские кресла и должности в структурах НЛД. Помимо того, в преддверии очередных парламентских выборов в ноябре 2015 г. Аун Сан Су Чжи при формировании партийных списков НЛД окончательно оттеснила радикальное крыло группировки “Поколение-88” на периферию национального политического поля. Так, в ходе упомянутого отбора в число кандидатов от партии не вошли “знаковые” фигуры мьянманского демократического движения – Мин Ко Найнг, Ко Ко Чжи, Мин Зейя, Ко Тхэй Чьвэ и др., самые известные представители “Поколения студентов 1988 года”. При этом выяснилось, что члены высшего руководства НЛД до последних дней обещали им включение в партийный список, и отказали оппозиционерам тогда, когда последние уже не успевали выдвинуться

по округам, например, в качестве независимых кандидатов [Козьма 2015]. Иными словами, лидер мьянманских модернистов задолго до выборов начала формировать полностью управляемую фракцию парламента, способную находить компромиссы с влиятельными традиционалистами в армейском руководстве.

Результатом последовательной 27-летней борьбы Аун Сан Су Чжи за укрепление политических позиций мьянманских модернистов стала убедительная победа НЛД на очередных парламентских выборах 8 ноября 2015 г. – первом с 1990 г. открытом избирательном поединке оппозиции и правящей военной верхушки. По данным Союзной избирательной комиссии Мьянмы, из 657 депутатских мест в обеих палатах мьянманского парламента 390 мест, или немногим более 59,4 процента мандатов (если учитывать гарантированную армии по Конституции 2008 г. 25-процентную парламентскую квоту), получила оппозиционная НЛД. Как и в 1990 г., она завоевала около 80 процентов мест, которые были выставлены на голосование. По результатам выборов оппозиция Мьянмы оказалась способна самостоятельно, без коалиции с иными политическими силами, избрать нового президента и сформировать правительство страны [Кириянов 2015; Симония 2015, 109].

Вместе с тем сохранение ограничительных статей Конституции 2008 г., которые запрещают занимать высшие государственные должности лицам с заграничными родственными связями, привело к избранию новым президентом страны писателя Тхин Чжо – школьного друга лидера НЛД, одного из первых в Мьянме специалистов по IT-технологиям, который в правление генерала Не Вина много лет проработал на ответственных должностях в министерствах промышленности и иностранных дел [U Htin Kyaw... 2016]. Примечательно, что его первой инициативой на посту президента стал одобренный парламентом законопроект об административной реформе, сокращающий количество министерств с 36 до 21 и возвращающий управленческий аппарат к конфигурации начала 1970-х гг. [NLD proposes... 2016].

Еще одной значимой акцией новоизбранного руководства Мьянмы явилась отмена законов “О чрезвычайных ситуациях” (“Emergency Provisions Act”) и “О защите государства” (“State Protection Act”). Они были введены в действие, соответственно, в 1950-м и 1975 гг. в условиях обострения борьбы властей с комму-

нистической и праворадикальной (студенческой) контрэлиты и позволяли подвергать граждан тюремному заключению на срок до 5 лет без суда и предъявления обвинения [Parliament votes... 2016; Hluttaw eyes... 2016.; President revokes... 2016]. Изъятие этих документов из действующего законодательства подтвердило неизменность курса национальной элиты на демократизацию политической системы и одновременно подвело черту под противостоянием с контрэлитными группировками, которое мьянманская верхушка вела на протяжении всей второй половины XX в.

Аун Сан Су Чжи – лидер младшего поколения местных модернистов – укрепила свое политическое влияние на завершающих этапах этой борьбы, а затем формализовала собственный неофициальный статус второго (наряду с военными консерваторами) центра власти в национальной элите, заняв в апреле 2016 г. специально учрежденную должность действительного государственного советника Мьянмы (при сохранении за собой портфелей министров иностранных дел и президентского офиса) [‘State Counselor’ bill... 2016]. Упомянутые политические изменения в стране были фактически признаны военными консерваторами в лице действующего главкома вооруженных сил старшего генерала Мин Аун Хлайна. В частности, последний, в отличие от своего предшественника Тан Шве, в очередной день памяти Аун Сана и его соратников (19 июля) впервые возложил венки к мемориалу национального героя и нанес визит в дом его дочери – символический “храм династии” основателя независимой Бирмы [Martyrs’ Day... 2016]. В дальнейшем инициированное Аун Сан Су Чжи снятие американских санкций с ведущих мьянманских военных корпораций (Мьянманского экономического холдинга и Мьянманской экономической корпорации), произошедшее во время ее визита в США в сентябре 2016 г. [Obama pledges... 2016], подчеркнуло достижение долгосрочного компромисса между центрами влияния в мьянманской элите – силами, воплощающими тесно связанные между собой покровительственное и авторитарное начала власти в бирманской политической традиции [Агаджанян 1987, 321–323].

Подводя итог исследованию сложной и неоднозначной фигуры лидера младшего поколения мьянманских модернистов, необходимо подчеркнуть, что обстоятельства внутривластной борьбы в независимой Бирме / Мьянме были достаточно типичны

для послевоенного становления новых независимых государств Азиатского континента. Данная эпоха была временем стремительного роста политического влияния бывших европейских колоний в Азии, которые все чаще возглавляли женщины-политики, и политическая карьера Аун Сан Су Чжи не стала исключением из этого правила. В то же время противоборство между группировками бирманской элиты на новом этапе отобразило стержневой для всей новой истории Бирмы конфликт между тенденциями “открытия” и “закрытия” по отношению к внешнему, прежде всего западному, миру. Это типичное для внутривнутриполитической жизни Азии и Африки столкновение политических тенденций практически везде заканчивалось победой прозападных модернизаторских сил. Только в Бирме, как свидетельствует история, борьба консервативной и модернизаторской группировок внутри элиты всегда приводила в итоге к преобладанию консервативных сил и тенденций во внутренней политике. И даже политический курс местных модернистов, как показала практика, изначально опирался на традиционную, консервативную в своей основе, политическую культуру страны. Условием политического выживания До Су в конкуренции с местными консерваторами стала удивительная способность лидера мьянманской оппозиции использовать в политической борьбе традиционалистские представления соотечественников, искусно находя общий язык с влиятельными кругами местных и международных элит. И пока народ Мьянмы будет поддерживать своего лидера, Аун Сан Су Чжи, безусловно, еще долго будет оставаться в глобальной политической игре.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // **Государство в докапиталистических обществах Азии**. Москва, 1987.

Барышников В. Востоковед Аида Симония – о лидере оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чжи // **Радио Свобода**. 29.05.2012. – URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24597226.html>

Бывший лидер Мьянмы заявил о поддержке Аун Сан Су Чжи // **ВВС**. 06.12.2015. – URL: http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151206_myanmar_secret_talks

Васильев В. Ф. **История Мьянмы / Бирмы. XX век**. Москва, 2010.

Заболотный В. М. Лорд Маунтбеттен – последний вице-король Британской Индии (Опыт реконструкции переходного периода от Британской империи к Содружеству наций) // **Вестник Российского университета дружбы народов**. Серия “Всеобщая история”. Москва, 2010, № 2.

Ивашенцов Г. А. Мьянманская перестройка: причины, проблемы, перспективы // **Международная жизнь**, 2016, № 7.

Кауфман А. С. **Бирма: идеология и политика**. Москва, 1973а.

Кауфман А. С. Идеальный путь Аун Сана // **Народы Азии и Африки. История, экономика, культура**, 1973б, № 3.

Кирьянов О. Оппозиция одержала победу на выборах в Мьянме // **Российская газета**. 22.11.2015. – URL: <http://www.rg.ru/2015/11/22/myanma-site.html>

Кирьянов О. Эксперт: Мьянма поверила в красивую сказку про демократию // **Российская газета**. 10.11.2015. – URL: <http://www.rg.ru/2015/11/10/myanma-site.html>

Козьма П. Мьянма: почему правящая партия может проиграть выборы? // **Regnum**. 7.11.2015. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/2007046.html>

Листопадов Н. А. Загадка Су Чжи // **Азия и Африка сегодня**, 1998, № 1.

Можейко И. В., Узянов А. Н. **История Бирмы (краткий очерк)**. Москва, 1973.

“Недовольство кандидатами от оппозиции идет по всей стране”. **Regnum // Irrawaddy**. 8.08.2015. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1950355.html>

Неру Д. Сохранить мир (Выступление по лондонскому радио 12.01.1951) // Неру Д. **Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1946–1964**. Москва, 1965.

Симония А. А. Властвующая военная элита в Мьянме // **Элиты стран Востока**. Москва, 2011.

Симония А. А. Парламентские выборы в Мьянме: вектор будущей внешней политики // **Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития**. Москва, 2015, № 29.

Ang Chin Geok. **Aung San Suu Kyi: Towards a New Freedom**. Sydney, 1998.

Aung San Suu Kyi – Biographical. – URL: http://www.nobel-prize.org/nobel_prizes/peace/laureates/1991/kyi-bio.html

Aung San Suu Kyi. Freedom from Fear and Other Writings. New York and London, 2010.

Aung San Suu Kyi. Intellectual life in Burma under Colonialism. Simla, 1990.

Aung Zaw. The Face of Resistance: Aung San Suu Kyi and Burma's Fight for Freedom. Chiang Mai, 2013.

Burma and the role of Burmese women. Documentation and Research Centre All Burma Students' Democratic Front. 31.07.1995. – URL: <http://www.burmalibrary.org/reg.burma/archives/199510/msg00070.html>

Burma's former 'Economic czar' on a short leash. **The Irrawaddy.** 11.2006. Volume 14. No. 11. – URL: http://www2.irrawaddy.com/print_article.php?art_id=6439

Clements A. Burma: The Next Killing Field. Michigan, 1992.

Daw Aung San Suu Kyi arrested // **Burma Press Summary (from the Working people Daily).** Vol. III. No. 7. July 1989.

Daw Aung San Suu Kyi (father U Aung San) granted pardon // **The New light of Myanmar.** 14.11.2010.

'Don't be so impatient'. A military leader asks for understanding // **Asiaweek.** 07.12.1997. Retrieved 15.04.2012. – URL: <http://www.cgi.cnn.com/ASIANOW/asiaweek/98/0403/nat6.html>

Election Returns // **Burma Press Summary (from the Working people Daily).** Vol. IV. No. 6. June 1990.

Gore-Booth P. H. With Great Truth and Respect. London, 1974.

Hoge W. Michael V. Aris, 53, dies; scholarly husband of Laureate // **The New York Times.** 30.03.1999. – URL: <http://www.ny-times.com/1999/03/30/world/michael-v-aris-53-dies-scholarly-husband-of-laureate.html>

Houtman G. Mental culture in Burmese crisis politics: Aung San Suu Kyi and the National League for Democracy. Tokyo University of Foreign Studies, Institute for the study of languages. Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Monograph Series. 1999. No. 33.

I could do business with Aung San by Fild (Marshall Sir William Slim) // **Aung San of Burma.** New Haven, 1962.

Hluttaw eyes fixing repressive laws // **Myanmar Times.** 10.05.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/nay-pyi-taw/20194-hluttaw-eyes-fixing-repressive-laws.html>

I voted for party which serves the people: Khin Nyunt // **Irrawaddy**. 01.04.2012. – URL: <http://www.irrawaddy.com/burma/i-voted-for-party-which-serves-the-people-khin-nyunt.html>

In his own words: the rise and fall of Khin Nyunt // **Bangkok Post**. 08.04.2012. – URL: <http://www.bangkokpost.com/archive/in-his-own-words-the-rise-and-fall-of-khin-nyunt/287955>

Interview with Burma's Ma Thanegi // **New Mandala**. 02.03.2008. – URL: <http://asiapacific.anu.edu.au/newmandala/2008/03/02/interview-with-burmas-ma-thanegi/>

Lintner B. **Outrage: Burma's Struggle for Democracy**. London, 1990.

Lubina M. **Pani Birmy. Biografia polityczna Aung San Suu Kyi**. Warszawa, 2015.

Martyrs' Day makes strides for national reconciliation // **Myanmar Times**. 20.07.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/yangon/21470-martyrs-day-makes-strides-for-national-reconciliation.html>

Mauntbetten of Burma. Report of the Combined Chiefs of Staff by the Supreme allied Commander, South-East Asia 1943–1945. London, 1951, Vol. 15, Iss. 3.

Myanmar's speaker Shwe Mann says he'll contest Presidency // **Radio Free Asia**. 10.06.2013. – URL: <http://www.rfa.org/english/news/myanmar/shwe-mann-06102013161202.html>

Multi-party elections called // **Burma Press Summary (from the Working people Daily)**. Vol. II. No. 8. August 1988.

Nash M. **The Golden Road to Modernity**. Chicago, 1965.

Ne Win's speech // **Burma Press Summary (from the Working People Daily)**. Vol. II. No. 7. July 1988.

NLD patronage may offer Shwe Mann political lifeline // **Irrawaddy**. 04.02.2016. – URL: <http://www.irrawaddy.com/commentary/nld-patronage-may-offer-shwe-mann-political-lifeline.html>

NLD proposes merging economic ministries into powerhouses // **Myanmar Times**. 23.03.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/business/19540-nld-proposes-merging-economic-ministries-into-powerhouses.html>

Parliament votes to scrap Emergency Provisions Act // **Myanmar Times**. 05.10.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/22913-parliament-scrap-emergency-provisions-act.html>

Obama pledges to remove nearly all remaining US economic sanctions // **Myanmar Times**. 16.09.2016. – URL: <http://www.mm-times.com/index.php/national-news/22569-obama-pledges-to-remove-nearly-all-remaining-us-economic-sanctions.html>

Oppositionists address rallies // **Burma Press Summary (from the Working people Daily)**. Vol. II. No. 8-A. August (2) 1988.

Popham P. **The Lady and the Peacock: The Life of Aung San Suu Kyi**. London, 2011.

Press briefing Aung San Suu Kyi in Yangon, Myanmar. 14.11.2010.

President revokes State Protection Law // **Eleven Myanmar**. 27.05.2016. – URL: <http://elevenmyanmar.com/politics/president-revokes-state-protection-law>

Roadmap to democracy: crucial turning point in Myanmar's history // **The Myanmar Times**. Vol. 10. No. 181. 1–7 September. 2003. – URL: <http://www.ibiblio.org/obl/docs3/MT181.htm>

Roger Louis W. **Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez, and Decolonization**. London, New-York, 2006.

Sorokin P. **Russua and the United States**. New York, 1944.

'State Counselor' bill signed, creating powerful position for Suu Kyi // **Irrawaddy**. 07.04.2016. – URL: <http://www.irrawaddy.com/burma/state-counselor-bill-signed-creating-powerful-position-for-suu-kyi.html>

Stewart W. **Aung San Suu Kyi: Fearless Voice of Burma**. Minneapolis, 1996.

Student killed in riot // **Burma press summary (from The Working people Daily)**. Vol. II. No. 3. March 1988.

Suu Kyi pays tribute to her mother // **The Irrawaddy**. 27.12.2010. – URL: http://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=20420

The 93rd State LORC press conference // **Burma press summary (from The Working people Daily)**. Vol. IV. No. 6. June 1990.

U Htin Kyaw: from computer science grad to NLD loyalist // **Myanmar Times**. 23.03.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/nay-pyi-taw/19423-u-htin-kyaw-from-computer-science-grad-to-nld-loyalist.html>

Victor B. **The Lady: Aung San Suu Kyi, Nobel Laureate and Burma's Prisoner**. New York, 1999.

Who's who: Myanmar's new cabinet // **Myanmar Times**. 23.03.2016. – URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/nay-pyi-taw/19609-who-s-who-myanmar-s-new-cabinet.html>